

ВИНОВЕН

В

ТОМ,

ЧТО

СПАС

18+

Ярослав Кичало

**Историческая повесть
Виновен в том, что спас**

«Автор»

2026

Кичало Я. Я.

Историческая повесть Виновен в том, что спас / Я. Я. Кичало —
«Автор», 2026

Осенью 1941 года старший научный сотрудник Степан Щеколдин отказывается выполнить приказ о поджоге Воронцовского дворца в Алупке, выбрав спасение искусства вместо военной директивы. Три года оккупации он ведёт смертельную игру с нацистами: спасает людей, утаивает шедевры от конфискации, а в ночь отступления немцев вручную вместе с подростками перетаскивает заложенные под фундамент фугасы. Хранитель сохранил Крымский замок в идеальном состоянии, но послевоенная Родина «отблагодарила» его за этот подвиг десятью годами ГУЛАГа. «Виновен в том, что спас» — это основанная на реальных событиях история о тихом героизме, трагедии сломанной судьбы и великом служении, которое оказалось прочнее замкового диабазы.

© Кичало Я. Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	6
Глава 1 Мандат на спасение	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ярослав Кичало

Историческая повесть

Виновен в том, что спас

Красота спасёт мир, если мир не уничтожит её первым. Но иногда, чтобы спасти саму красоту, человеку приходится пожертвовать частью собственной жизни, честью и достоинством.

Предисловие

В истории Великой Отечественной войны есть подвиги, грохот которых слышен сквозь десятилетия. О них напоминают гранитные обелиски, Вечные огни и золотые звёзды на груди героев. Но есть и другие подвиги — тихие, безмолвные, совершённые не силой оружия, а непостижимой прочностью человеческого духа. Это история о человеке, который встал между жерновами двух беспощадных военных машин, вооружившись лишь безупречным знанием чужого языка, любовью к искусству и готовностью умереть ради того, чтобы дворец продолжал жить.

Воронцовский дворец в Алупке — жемчужина Крыма, замок из серо-зелёного диабазы, выросший у подножия Ай-Петри. Сегодня миллионы туристов восхищаются его Тюдоровскими арками, изящной лепниной Голубой гостиной и знаменитыми мраморными львами, которые вечно смотрят на Чёрное море. Но мало кто знает, что этого великолепия не должно было остаться. В октябре 1941 года его приказали сжечь свои, уходя на восток. В апреле 1944 года его приказали взорвать чужие, в панике отступая на запад.

Дворец выжил только потому, что у него был Хранитель. Степан Григорьевич Щеколдин, скромный старший научный сотрудник, три года оккупации вёл свою одиночную войну. Он терпел плевки, голод, ежеминутную угрозу расстрела и, самое страшное — клеймо предателя, которое неизбежно нависало над ним каждый раз, когда он выходил навстречу фашистским офицерам, защищая музейные залы.

Он совершил невозможное: спас замок от огня, обманул экспертов Розенберга, занижая стоимость картин, и вместе с горсткой преданных подростков вручную перетаскивал в темноте немецкие фугасы, заложенные под фундамент дворца. Он сохранил Родине шедевр архитектуры в идеальном состоянии — до последней книги в библиотеке, до последнего штриха на холстах.

Родина «отблагодарила» его за этот подвиг десятью годами ГУЛАГа, назвав верность искусству изменой государству. Она стёрла его имя из путеводителей и закрыла перед престарелым, реабилитированным хранителем двери спасённого им дворца, когда на исходе жизни он умолял взять его туда хотя бы рядовым смотрителем.

Эта повесть — не просто хроника военных лет. Это дань памяти человеку, чьё имя слишком долго оставалось в тени великого дворца. Это напоминание о том, какую страшную цену порой приходится платить за спасение красоты в мире, охваченном безумием войны. И пока стоят диабазовые стены в Алупке, пока молчат мраморные львы — они хранят на себе невидимые отпечатки пальцев Степана Щеколдина. Человека, который был виновен лишь в том, что спас.

Глава 1 Мандат на спасение

Октябрь тысяча девятьсот сорок первого года душил Алупку гарью и паникой. Море, обычно ласковое и глубокое, сейчас казалось свинцовой полосой, отрезающей Крым от остального мира. По узким серпантинам Южнобережного шоссе на восток, в сторону Севастополя и Керчи, непрерывным потоком шли грузовики, телеги, беженцы.

Степан Григорьевич Щеколдин, старший научный сотрудник и хранитель Алупкинского дворца-музея, стоял у высокого окна своего кабинета в западном крыле Воронцовского дворца. Ему было немного за тридцать, но в преждевременно поседевших волосах, зачёсанных назад, и в глубоких складках у губ угадывался человек, переживший не одну личную трагедию. Из-за круглых очков в тонкой металлической оправе смотрели внимательные, умные и глубокие глаза цвета морской волны — взгляд исследователя, привыкшего подолгу всматриваться в детали старинных полотен. Высокий, сутуловатый силуэт Щеколдина в строгом, слегка потёртом на локтях костюме-тройке казался хрупким на фоне массивных замковых стен. Однако в этой кажущейся интеллигентской слабости, в прямой линии плеч и твёрдо сжатых губах угадывалась редкая, тихая порода людей, чья внутренняя воля была прочнее самого диабазы.

За его тридцать семь лет жизнь уже не раз ломала его, словно проверяя на излом, но каждый раз натывалась на эту невидимую внутреннюю сердцевину. В тридцать третьем, в Москве, за ним впервые пришли. Молодого, перспективного искусствоведа, выросшего в тишине библиотек, сталинская репрессивная машина швырнула в холодные камеры Лубянки, обвинив в контрреволюционной деятельности. Потом был скорый суд, приговор и ссылка — сюда, на Южный берег Крыма, без права возвращения в столицу. Крым, который для тысяч советских граждан был залитым солнцем раем, для Щеколдина стал золочёной клеткой изгнания.

Но Крым же подарил ему и самое большое счастье, которое судьба отняла так же стремительно и безжалостно. Здесь, в Алупке, он встретил женщину, ставшую его воздухом и смыслом. И здесь же, незадолго до войны, он похоронил её на местном кладбище, оставшись один на один с глухой, неизбывной тоской. Война застала его человеком, которому, по большому счёту, уже нечего было терять. У него не осталось ни семьи, ни родительского дома, ни личного будущего. У него остался только этот замок. Овдовевший, прошедший через допросы и ссылку, Щеколдин словно выработал странный, пугающий иммунитет к личному страху. Он слишком хорошо знал цену человеческой жизни в жерновах эпохи, но ещё лучше он знал, как быстро исчезает человек и как долго — веками — живёт спасённый им камень. Музей стал его убежищем, его алтарём и его искуплением. И отдавать это сокровище на растерзание войне он не собирался.

Его пальцы, испачканные чернилами и библиотечной пылью, нервно перебирали глухие роговые пуговицы пиджака. Во дворе царил хаос: сотрудники музея спешно заколачивали ящики с фарфором и редкими книгами, но все понимали — увозить это не на чем. Обещанных полоторок для эвакуации так и не дали.

В дверь не постучали — её рванули с петель.

В кабинет стремительно вошёл уполномоченный НКВД Попов. Его серая шинель была распахнута, на фуражке скособочилась пятиконечная звезда, а из-под распахнутого ворота гимнастёрки виднелась шея, багровая от гнева. За спиной Попова маячили двое бойцов с винтовками Мосина, их штыки тускло поблёскивали в осенних сумерках.

— Товарищ Щеколдин? — рявкнул Попов, даже не глядя на протянутую руку хранителя. — Приказ Городского комитета обороны. Времени на сборы нет. Немцы прорвали Ишуньские позиции и будут здесь со дня на день. Включаем план эвакуации «Б».

Степан Григорьевич внутренне сжался, но голос его прозвучал тихо и ровно:

— Мы собрали тридцать ящиков, товарищ уполномоченный. Первокласная живопись, личные вещи Воронцова, гравюры. Нам нужен хотя бы один грузовик...

— Никаких грузовиков! — перебил Попов, шагнув к массивному письменному столу и с грохотом опустив на него тяжёлую жестяную канистру. В воздухе мгновенно распространился резкий, удушливый запах керосина. — Приказ ясный и недвусмысленный: тактика выжженной земли. Врагу не должно достаться ничего. Дворец подлежит уничтожению.

В кабинете повисла мёртвая, звенящая тишина. Было слышно только, как за окном ветер треплет сухие листья платанов в парке.

— Что вы сказали? — переспросил Щеколдин. Ему показалось, что он ослышался. — Уничтожению? Но это же шедевр Блора. Это диабаз, уникальный замок, памятник архитектуры...

— Это барское гнездо! Графские развалины! — Попов подскочил к Щеколдину почти вплотную, обдав его запахом махры и дешёвого одеколona. — Вы что, товарищ научный сотрудник, директив товарища Сталина от третьего июля не читали? При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной состав, не оставлять врагу ни килограмма хлеба, ни литра горючего... А ценные вещи, которые не могут быть вывезены, должны безусловно уничтожаться! Вы хотите, чтобы фашисты устроились в этих палатах с комфортом? Чтобы немецкие генералы здесь коньяки распивали?

Степан Григорьевич отступил на шаг, спиной почувствовав холодную, несокрушимую стену дворца. В этот момент он думал не о себе. Перед его глазами пронеслись Голубая гостиная с её тончайшей лепниной, Зимний сад с беломраморными скульптурами, Китайский кабинет. Всё это собиралось, хранилось и оберегалось поколениями. И теперь всё это должно было превратиться в пепел от рук своих же.

— Послушайте меня, — Щеколдин заговорил медленно, чеканя каждое слово, пытаясь пробиться сквозь пелену военной истерии чиновника. — Посмотрите в окно. Дворец построен из диабазы. Это вулканическая порода, она прочнее гранита. Если вы разольёте здесь керосин и подожжёте, вы не уничтожите стены. Вы уничтожите только бесценные интерьеры, картины, мебель. Но сам замок останется. Немцы всё равно придут сюда, но застанут лишь обугленные руины народного достояния. Вы уничтожаете не имущество графа Воронцова, вы уничтожаете историю Крыма. Нашу с вами историю!

— Ты мне зубы не заговаривай, интеллигент! — Попов выхватил из кобуры ТТ и ткнул чёрным дулом в грудь Щеколдина. — Саботаж? Под трибунал захотел? Бойцы, облить залы! Начать с парадной столовой!

Один из конвоиров неуверенно потянулся к канистре. Это был совсем молодой парень, крымский татарин, чьи глаза испуганно округлились. Он переводил взгляд с тяжёлого пистолета уполномоченного на строгое, бледное лицо хранителя.

— Стоять! — вдруг крикнул Щеколдин, и в его голосе прорезалась такая властная, львиная сила, что боец невольно отдернул руку. Степан Григорьевич посмотрел в безумные от страха и ярости глаза Попова. — Стреляйте в меня, если хотите. Но поджога я не допущу. Вы уйдёте, а мне здесь оставаться. И если дворец сгорит, это будет на вашей совести перед Богом и перед народом.

Попов тяжело дышал. Дуло пистолета дрожало, упираясь в поношенный лацкан щеколдинского пиджака. Секунды тянулись как часы. На улице раздался пронзительный, затяжной гудок грузовика — колонна штаба окончательно снималась с места, медлить больше было нельзя. Из коридора донёсся крик: «Попов, бросай всё, мост в Ялте взрывают через полчаса! Отрежут!»

Уполномоченный грязно выругался, резко опустил оружие и с силой пнул канистру с керосином. Она с грохотом покатила по паркету, заливая пол тёмной пахучей лужей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.